

На правах рукописи

Чегодаев Евгений Анатольевич

**ЛАТЫШИ БАШКОРТОСТАНА:
формирование и функционирование этнической группы
(конец XIX – начало XXI в.)**

Специальность 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Ижевск – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.

Научный руководитель: **Галиева Фарида Габдулхаевна**, доктор филологических наук, кандидат исторических наук

Официальные оппоненты: **Черных Александр Васильевич**, доктор исторических наук, зав. сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии ФГБУН «Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Хабибуллина Айгуль Рафкатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры права Института управления и безопасности предпринимательства ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук»

Защита состоится 14 мая 2015 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 407.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета, на сайте УдГУ: <http://udsu.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена продолжающимися изменениями в этнополитической карте мира, повышением роли диаспор, необходимостью решения вопросов гармонизации межэтнических отношений, исходя из новых знаний об особенностях функционирования разных народов, включая давних и современных переселенцев.

Научный аспект актуальности диссертационной темы заключается в проведении первого комплексного исследования латышей (*латвиешу, latvieši*) Республики Башкортостан (Башкирии, Уфимской губернии), прошедших разные этапы развития диаспоры – от ее формирования, внутриэтнической консолидации, взаимодействия с местными народами до ассимиляции, активизировавшейся в последние десятилетия. Латышская диаспора функционировала то в условиях единого государства, то за пределами отделившейся от России Латвии, при различных политических системах. Латышская общность в Башкортостане образована выходцами из Прибалтийского края и инфлянтских уездов Витебской губернии, является одной из значительных в России (вместе с латышами Сибири) и мире (диаспоры в США, Ирландии, Великобритании, Канаде, Бразилии).

Социально-экономическая значимость темы определяется необходимостью изучения опыта хозяйствования латышей. С момента переселения на башкирские земли во второй половине XIX в. они внедряли передовые технологии и приемы, которые остаются актуальными до сих пор (фермерство, кооперативы, предпринимательство). В то же время латыши, перенимая местные традиции, сформировали оригинальную локальную культуру. В 2010 г. в Башкортостане насчитывалось 1117 чел., идентифицировавших себя как латыши.

Научно-образовательный аспект характеризуется возрастающим интересом широкой общественности к этнической истории и культуре, что нашло отражение в новых учебных программах и государственных проектах, а также в республиканских государственных программах по возрождению их языков и фольклора.

Объект исследования – латышское население Республики Башкортостан.

Предмет исследования – историко-этнографическая характеристика латышской этнической общности на территории Башкортостана, этнические процессы в их среде.

Территориальные рамки исследования – Республика Башкортостан: селения Архангельского, Иглинского, Стерлибашевского районов, в которых компактно расселены латыши, а также город Уфа со значительной долей латышей. В разные исторические периоды указанные районы относились к Уфимской губернии (обр. 1865 г.) и Башкирской АССР (1919).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX (формирование латышской диаспоры в регионе) до начала XXI в. (2010–2014 гг.).

Степень изученности проблемы. Сведения о латышах Уфимской губернии накапливались с начала XX в. и издавались на латышском и русском языках. На латышском языке опубликованы две монографии, касающиеся темы исследования. Первая – эмигранта Карлиса Шкилтерса «История латышских колоний» (Šķilters K. Latkoloniju vēsture. 1. Izceļošana no Baltijas un koloniju pirmsākumi. Maskava, 1928). Шкилтерс, будучи членом (секретарем) Центральной комиссии по исследованию латышских колоний СССР, образованной при латсекции ЦК ВКП(б) в 1926 г., в своей книге особое внимание уделил противоречивому отношению латышей к советской власти: для арендаторов земель она давала перспективы, а у владельцев отнимала веру в будущее. Данная монография является библиографической редкостью, напечатана готическим шрифтом. Вторая монография – Викбертса Краснайса «Латышские колонии» (Krasnais V. Latviešu kolonijas. Rīga, 1938), как и предыдущая, имеет идеологическую направленность. Автор пишет о перегибах во время коллективизации, попытках латышей взорвать клуб в Архангельской колонии. Он использует сведения предыдущего исследователя, дополняя их фактами из неофициальных источников. Современный латышский исследователь Томс Кикутс, научный сотрудник Национального музея истории Латвии, продолжил изучение предшественниками истории образования латышских колоний за пределами исторической родины, в том числе в Уфимской губернии. В своих русскоязычных статьях он пишет также о межэтнических отношениях в хронологических рамках 1877–1914 гг. (Сб.: Россия и Балтия. М., 2011. С. 27–41; Актуальные проблемы истории и этнологии. Уфа, 2011. С. 93–106).

В Башкирии литература о латышах появилась в дореволюционное время в связи с решением правительства об изучении опыта передовых хуторских хозяйств и его дальнейшего использования для поднятия сельского хозяйства страны. По результатам исследований, проведенных Н. Смирновым, издана брошюра «Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии» (Уфа, 1908). В ней дается характеристика латышских колоний Ауструм и Балажи, описана история переселения, способы ведения хозяйства. Информация о латышских хозяйствах публиковалась также в «Вестнике Уфимского земства» (1880), «Сельскохозяйственном календаре» (1915), «Сельскохозяйственном листке» (1916–1930). В первые годы советской власти газетные публикации основное внимание стали уделять революционной пропаганде («Вперед», «Известия», «Красная Башкирия», «Известия Уфимского губернского революционного комитета» и пр.).

В 1928–1930 гг. Башкирской экспедицией Академии наук СССР под руководством С.И. Руденко проведены комплексные исследования населения республики. Особенности земледелия и животноводства у народов

Башкирской республики, включая латышей, изучал этнологический подотряд экспедиции под руководством А.С. Бежковича. Работа велась в четырех волостях Уфимского кантона: Иглинской, Петровской, Архангельской и Улу-Телякской, а также в западной части Усмангалинской волости Тамьян-Катайского кантона. Отличительной особенностью экспедиции являлось то, что она проводилась в последние годы традиционного хозяйствования, в преддверии сплошной коллективизации и массового раскулачивания крестьян. Уникальный материал, собранный А.С. Бежковичем, был издан лишь спустя 43 года в сборнике «Археология и этнография Башкирии» (Уфа, 1973). Столь поздняя публикация связана с тем, что ее автор в 1933 г. был репрессирован. Кроме того, советская власть старалась скрыть основной вывод исследования о преимуществах хуторских хозяйств. В статье А.С. Бежковича значительный объем информации посвящен характеристике земледелия латышских хозяйств, которая без всякого преувеличения свидетельствует о передовой на тот период сельскохозяйственной культуре, а также трудолюбию латышей и их предприимчивости.

1930-е – 1950-е гг. для латышей Башкирии стали самыми трагическими. Сотни людей были репрессированы и осуждены по статье 58 УК РСФСР (за контрреволюционные преступления). Информация о них долгое время хранилась в архивах, стала публиковаться с 1990-х гг. в «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» (Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008). Эти сведения не только характеризуют страницы истории этнической группы, но и масштабы, дают возможность объяснить резкое уменьшение численности латышей в республике.

В 1960-е – 1970-е гг. исследования переселенцев из западной России (немцев, латышей, эстонцев и др.), наиболее сильно пострадавших в годы репрессий, не были под официальным запретом, но и не приветствовались. Интерес к ним появился только после изменения политического курса страны в период гласности и перестройки. В 1985 г. большой фактический материал собрала комплексная экспедиция Академии наук Латвии. В 1987 г. ее руководитель доктор филологических наук, чл.-корр. Академии наук Латвийской ССР А.Ф. Блинкена основные результаты экспедиции опубликовала в статье «Латыши в Башкирской АССР» сборника «Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время» (Уфа, 1987). В 1990-е гг. А.Я. Блинкена совместно с И.М. Габдрафиковым подготовила раздел о латышах в коллективной монографии «Народы Башкортостана» (Уфа, 2002).

С 1990-х гг. публиковались работы российских исследователей, касающиеся религиозной жизни латышей Уфимской губернии. О латышском православном приходе упоминают М.И. Роднов и О.В. Васильева в работе «Храм в Архангельском» (Уфа, 1999). Документы о закрытии Уфимской кирхи в 1930 г. приведены О.В. Курило в монографии «Лютеране в России XVI–XX вв.» (М., 2002). Участие представителей Уфимской губернии в Синодальном съезде Латышской евангелическо-лютеранской церкви в

1928 г. отражено в работе В.В. Солодовникова «Лютеранская диадема» (Псков, 2010). Особенности традиционной религии латышей познавались диссертантом благодаря обращению к фундаментальным монографиям О.А. Лиценбергер «Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938)» (М., 1999) и «Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории» (М., 2003). Баптистам посвящены работы Ю.Н. Сергеева «Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.)» (Уфа, 1998) и А.П. Александрова «Долиною смертной тени» (Уфа, 2014). Современная религиозная жизнь республики освещена в монографии А.Н. Кляшева «Протестантизм в Республике Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности» (Уфа, 2013).

В 2000-е гг. башкирский историк М.И. Роднов издал работы со статистическими сведениями о крестьянском, в том числе латышском населении Уфимской губернии: «Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения» (Уфа, 2002), «Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 1997), «Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 1997), «Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 2002), «Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 2010), «Материалы всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии (Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды)» (<http://mrodnov.ru/index.php?Page=3&id=0>; дата обращения: 11.04.2013). Автор приводит архивный источник – подворные карточки, позволяющие произвести вычисления по этническим, территориальным, сословным, имущественным, конфессиональным группам населения, рассмотреть почти каждое крестьянское хозяйство, его экономический потенциал, обеспеченность инвентарем, посевы, землевладение и пр.

В 2010-е гг. башкирский этнолог А.Р. Хабибуллина в диссертации «Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан» (Ижевск, 2010) и ряде статей среди прочих описала деятельность латышского центра.

Продолжились исследования этнических процессов в среде латышей Сибири, которые начали Я. Баллод и А. Эйсуль в «Сибирской Советской энциклопедии» (1932), описав сквозь призму советской идеологии историю расселения, хозяйственную деятельность, народную медицину. Издаются работы обобщающего характера: И.В. Лоткина «Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность» (М., 2000) и «Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири» (1920–1940 гг.), Д.Г. Коровушкина «Латыши и эстонцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в.» (Новосибирск, 2008) и «Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – XX в.» (Омск, 2001). Историей и этнографией народов Среднего Урала, включая латышей,

занимается А.В. Черных, автор статьи «Латышские хутора Пермского Прикамья: становление и особенности традиционной культуры» (Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 30–36). Глубокий анализ формирования латышской идентичности в различные исторические периоды, основанный на изучении понятия «латышскость», впервые представила С.И. Рыжакова в докторской диссертации «Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты (середина XIX – начало XXI вв.)» (М., 2011). Ее монография «Язык орнамента в латышской культуре» (М., 2002) является комплексным историко-этнографическим исследованием одной из важнейших областей латышской культуры – национального орнамента, фактически имеющего в настоящее время статус государственного достояния и символизирующего одну из форм понятия «латышскость».

В последние десятилетия актуализировались историко-этнографические исследования немецких и эстонских диаспор России, сформировавшихся в результате единого с латышами переселенческого потока. Они отражены в кандидатской диссертации Д.В. Григорьева «Немцы Башкортостана в конце XIX – XX в.» (Уфа, 2002), книгах А.В. Черных «Народы Пермского края: история и этнография» (Пермь, 2007), А.В. Черных и Д.И. Ваймана «Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начало XXI в.» (СПб., 2008), А.В. Черных, Т.Г. Голевой, С.А. Шевырина «Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии» (СПб., 2010), монографии Р.Р. Садикова «Эстонцы на Южном Урале: историко-этнографические очерки» (Уфа, 2012). В них есть информация по истории образования хуторских хозяйств, приобретении переселенцами земельных участков.

Вышеприведенные публикации имеют источниковедческое и методологическое значение. Они устанавливают, что переселение латышей на Южный Урал началось в конце XIX – начале XX в., и в отличие от депортированных народов, вынужденных переселенцев, происходило, как правило, в рамках государственной политики Российской империи, носило добровольный характер. Подавляющее большинство латышей были безземельными крестьянами, которые переселялись в центральные губернии России, на Урал и в Сибирь в поисках «лучшей жизни», с целью приобретения земли и ведения крестьянского хозяйства. Этому способствовало строительство Самаро-Златоустовской железной дороги (с вводом которой в крае сложился региональный рынок, ранее труднодоступные земли стали объектом рыночных отношений), политика государства, деятельность Крестьянского поземельного банка. Земли, прилегающие к железной дороге, стали скупаться выходцами из западных регионов страны – латышами, эстонцами, немцами, украинцами, белорусами. Новые переселенцы принесли с собой уникальный для внутренних регионов России уклад жизни и ведения хозяйства на хуторах. Историография накопила материалы об основании латышских колоний в Башкирии, формах

хозяйствования, организации религиозной жизни, деятельности национально-культурных центров. Однако до сих пор не было работ обобщающего характера, характеризующих формирование и развитие этнической группы в целом. В связи с этим сформулированы цель и задачи исследования.

Целью исследования является выявление особенностей формирования и функционирования этнической группы латышей Башкортостана.

В соответствии с поставленной целью необходимо решение следующих **задач**:

- систематизировать сведения о заселении региона латышским населением, основании латышских селений, адаптации к местным условиям;
- реконструировать этническую историю и этнокультурные процессы в среде латышей Республики Башкортостан в хронологических рамках исследования;
- охарактеризовать этническую культуру латышской диаспоры.

Источники. Источниковая база состоит из комплекса неопубликованных и опубликованных материалов.

Неопубликованные материалы подразделяются на следующие:

а) архивные: Центрального исторического архива Республики Башкортостан, Архива Управления ФСБ по Республике Башкортостан, Архива общественных объединений Республики Башкортостан, Архива г. Златоуста Челябинской области, Архивных отделов Иглинского и Архангельского районов. Эти материалы дают информацию о времени формирования латышских хуторов в Уфимской губернии, численности, социальной структуре и уровне грамотности латышского населения, формах хозяйствования, религиозной идентичности, масштабах политических репрессий.

б) полевые материалы автора. Это основные источники, они собраны в 7 селениях Иглинского района (Балажи, Балтика, Ауструм, Кудеевка, Искра, Дубовка, Ясная поляна), Архангельского (М. Горький, Бакалдино) и Стерлибашевского (Банковка), а также города Уфы. Основными информаторами стали 80 человек. Фото-базу составили снимки информаторов из семейных архивов, и сделанные диссертантом в ходе полевой работы (праздников «Лиго», домов, домашнего интерьера, хозяйств, предметов быта латышей, памятников на кладбищах с. Ауструм, М. Горький, Балтика и Ясная поляна);

в) материалы национально-культурного центра латышей Башкортостана «Максим Горький» (планы, отчеты, сценарии).

Опубликованные материалы, в том числе:

а) документы законодательной и исполнительной органов власти; материалы переписей населения, статистические данные,

б) публикации в периодических изданиях: «Уфимский сельскохозяйственный листок» за 1912–1917 гг., «Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства» за 1908–1911 гг., «Вперед» за

1917 г. (орган Уфимского комитета РСДРП), «Известия» за 1919–1920 гг. (орган Уфимского губревкома), «Красная Башкирия» за 1930–1940 гг., «Сталинский путь» за 1939 г. (орган Иглинского райкома ВКП(б)), «Вестник Уфимского земства» за 1880 г., «Вперед» за 1940 г. (орган Архангельского райкома ВКП(б)), «Журналы Уфимской Городской Думы» за 1900 и 1905 гг., «Власть труда» за 1920 г. (орган Уфимского губкома ВКП(б), «Молочно-маслодельная промышленность» за 1937 г., «Октябрь» за 1993 г. (орган Миякинского исполкома райсовета), «Рабочее дело» за 1922 г. (орган Башкирского областного совета профессиональных союзов), «Башкирский край» за 1923 г. (орган Башэконо, Башнаркомфина, Башнаркомзема, Башпрома), «Хозяйство Башкирии» за 1929 г. (орган Государственной плановой комиссии Башкирской АССР Республики) и др.

В качестве источников для характеристики хозяйственных занятий, одежды, обуви, интерьера жилища, музыкальной культуры латышей, привлечены экспонаты школьных музеев (Бакалдино, М. Горький). В свою очередь, в процессе работы над диссертацией попутно собирались экспонаты для Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

Методологическая основа исследования. Изучение истории и этнографии латышей Башкирии сопровождалось применением разных методологических подходов. Междисциплинарный подход (использование методологии истории, этнологии, археографии, религиоведения, культурологии, статистики) позволяет усилить достоверность и обоснованность выдвигаемых положений и выводов. Имманентный подход выявляет внутреннюю организацию этнической группы, а контекстуальный подход – влияние внешней среды, конкретных исторических обстоятельств.

Работа основана на принципах историзма, сравнительно-типологическом (обобщение и анализ обширного материала на синхронном и диахронном уровнях) и сравнительно-историческом (изучение этноса в процессе исторического развития) методах исследования. Использовались специальные методы полевой этнографии: опрос в форме интервью по заранее составленному вопроснику, простое и включенное наблюдение. Данные дополнялись и уточнялись в ходе интервью с последующими компетентными респондентами. С их согласия велась запись бесед на диктофон и фотографирование.

При написании диссертационного исследования использовались теоретические выводы и методологические приемы российских и зарубежных этнологов по теории этноса (С.М. Широкогоров, П.И. Кушнер, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев¹) и диаспоры

¹ Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Свободная Россия, 1922; http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/mesto_etnografii_sredi_nauk (дата обращения: 04.05.2014); Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М.: АН СССР, 1951; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Гумилев Л.Н. Этногенез и

(D. Armstrong, R. Brubaker, R. Cohen, W. Safran, И.В. Арутюнян, С.А. Арутюнов, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, В.И. Дятлов, З.И. Левин, Т.В. Полоскова, В.Д. Попков, С.Я. Козлов, Ю.И. Семенов и др.)². Изучены проблемы международных миграций, освещенные независимым научным журналом «Диаспоры» (1999). Отличительными признаками диаспоры ученые называют дисперсность расселения, при которой община не имеет своей территориальной базы (Дж. Армстронг), «рассеянность» в регионах при обладании единым » в

Общности менее 100 тыс. чел. ученым были названы малыми этническими группами (МЭГ). Они во многом определяют особенности историко-этнографических областей (ИЭО), особенно Волго-Уральской ИЭО⁶, на территории которой на протяжении веков проживают финно-угорские, тюркские, восточнославянские и другие народы. Опираясь на эту теорию, можно выделить уникальный историко-этнографический район (ИЭР) расселения латышей в современных Иглинском и Архангельском районах Республики Башкортостан.

В работе также использован опыт этнографического изучения диаспор регионов мира, например, российской диаспоры в странах СНГ и Балтии (Т.В. Полоскова), бурят в Монголии (О.С. Ринчинова), а также Республики Башкортостан: украинцев (В.Я. Бабенко), белорусов (Ф.Г. Галиева), эстонцев (Р.Р. Садиков), поляков (В.В. Латыпова), евреев (Э.А. Шкурко) и др.

Научная новизна. Впервые проведено комплексное исследование этнической группы латышей Республики Башкортостан. Получены новые сведения по истории переселения латышей на территорию республики, формированию их этнической группы, адаптации к социально-политическим и местным природно-географическим условиям, функционированию в многоэтничном и многоконфессиональном социуме в условиях разных политических систем, в хронологических рамках с конца XIX в. до настоящего времени. Прослежена драматическая судьба людей, оказавшихся вдали от исторической родины, благодаря огромному трудолюбию и высокой грамотности создавших крепкие хозяйства, но ставшие заложниками успеха для советской власти, переживших насильственную ликвидацию хуторов и тотальные репрессии, ощутивших невозможность вернуться на родину и обреченность доживать и ассимилироваться в местной среде. Изучены сложные судьбы членов латышских семей, разбросанных по разным странам – в Латвии, России, Бразилии, США.

Обобщены, систематизированы и введены в научный оборот архивные источники: записи об актах гражданского состояния лютеранской церкви начала XX в., карточки всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии, отчеты латышских секций обкомов и райкомов партии 1920-х – 1930-х гг., архивно-следственные дела органов НКВД и КГБ за 1918–1954 гг., похозяйственные книги сельских поселений за 1945–1970 гг. и др. Архивные источники вкуче с полевыми материалами (письменные и устные воспоминания очевидцев, документы, письма, фотографии) позволили охарактеризовать не только историю, но и культуру этнической группы, в том числе: семейные и общественные обряды и праздники, декоративно-прикладное искусство, музыкальную и театральную культуру, народную медицину. Значительное место в работе уделено традиционной религии – лютеранству – как фактору сохранения

⁶ Кузеев Р.Г. Народы Южного Урала и Среднего Поволжья: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 287–294.

этнокультурной идентичности. Показана роль латышей в хозяйственном развитии региона (новейшие для своего времени технологии земледелия, скотоводства, маслоделия), и влияние местных народов на современный этнокультурный облик латышей Башкортостана. Комплекс источников позволил на примере латышей Башкортостана рассмотреть этническую диаспору как ресурс модернизации общества, выявить механизмы сохранения культурной идентичности, этапы жизненного цикла.

Практическая значимость. Результаты исследования уже оказывают помощь руководителям и специалистам органов государственного и местного управления, Министерства культуры и национальной политики, учреждений культуры, национально-культурных центров региона в решении вопросов, связанных с их деятельностью, возрождением национальных культур, прогнозированием этнокультурных процессов.

Материалы и выводы диссертационного исследования используются для лекционно-просветительской работы, при подготовке учебников, учебно-методической литературы по истории и культуре республики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Латыши, несмотря на численную незначительность, сыграли важную роль в этнокультурном и хозяйственном развитии края.

2. В годы советской власти лишь часть латышей стала революционным элементом. Большинство латышских крестьян, исходя из собственных экономических интересов, боролось за сохранение общественно-политической системы.

3. Формирование общего слоя региональной культуры латышей и других народов Башкортостана стало залогом устойчивости их взаимоотношений, фактором стабилизации межэтнических отношений.

4. Несмотря на общие интеграционные процессы в советское время и взаимодействие с народами, отсутствие поддержки со стороны прежней родины, латыши сохранили идентичность и элементы этнической культуры. В последние годы ассимиляционные процессы усиливаются, что может привести к исчезновению латышской диаспоры в Башкортостане.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Содержание диссертации определяется комплексом опубликованных и неопубликованных источников. Введенные впервые в научный оборот материалы архивов подтверждаются собственными полевыми источниками, собранными в 2010–2014 гг. во всех местах компактного расселения латышей в Республике Башкортостан. Сформулированные в диссертационном исследовании выводы соответствуют положениям известных российских этнографов. В качестве сравнительного материала использованы результаты исследования латышей Прикамья и Сибири, а также других европейских народов Урало-Поволжья – эстонцев, немцев, украинцев, белорусов. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 11 публикациях общим объемом более 6,4 п. л., в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и апробированы на различных

научных – международных (2010–2014) и всероссийских (2008–2013) – конференциях.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована для представления к защите ученым советом ИЭИ УНЦ РАН от 06 мая 2014 г. (протокол № 5).

Структура исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы, устанавливается степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, методологическая основа, территориальные и хронологические рамки работы, характеризуется ее источниковая база, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В главе 1 **«Формирование этнической группы латышей на территории Башкортостана (конец XIX – начало XX в.)»** изучены адаптационные процессы в истории диаспоры.

В первом параграфе **«Причины и характер переселения»** показано, что миграциям латышей из прибалтийских губерний во внутренние губернии России, в том числе в Уфимскую, способствовало обезземеливание крестьян, «избыток рабочих рук в сельском хозяйстве и жестокий экономический гнёт немецкого дворянства» на их прежней родине⁷. На первом этапе переселение латышей шло в близлежащие западные губернии страны – Витебскую, Петербургскую, Новгородскую и Псковскую. В дальнейшем, в связи с ростом цены на аренду и приобретение земли в собственность, они стали оседать в центральной России, Поволжье, Урале и Сибири. Впоследствии часть латышей Витебской, Самарской и Симбирской губерний устремлялась в Уфимскую губернию, а те, кто не смог здесь обустроиться, направлялись далее в Западную и Восточную Сибирь. На рубеже XIX и XX вв. предложение свободных земель производилось крупными землевладельцами путем объявлений в газетах «Latviesu avizes» / «Латвиешу Авизес» («Латышская газета»), «Mājas Viesis» / «Маяс Виесис» («Гость дома»), «Dienas Lapa» / «Диенас Лапа» («Ежедневный листок») и др.⁸. Притоку латышских переселенцев в Уфимскую губернию способствовали такие факторы, как дешевизна земли, льготы, представляемые переселенцам,

⁷ Садофьева Н.Н. К вопросу о причинах переселения эстонских крестьян в Европейскую Россию // Река времени. Уфа, 2004. С. 93–95.

⁸ Блинкена А.Ф. Латыши в Башкирской АССР // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 90.

возможность достаточно быстро добраться благодаря построенной Самаро-Златоустовской железной дороге.

Во втором параграфе **«Основание латышских селений и их этнический состав»** установлено, что первым переселенцем, а также организатором движения латышей в Уфимскую губернию стал И.Я. Вейнберг, выходец из Дзербене Лифляндской губернии⁹. В 1878 г. он приобрел земельный участок на территории современного села Ауструм¹⁰ и стал комиссионером между местным землевладельцем Заварицким и другими переселенцами-латышами¹¹. Наиболее крупными латышскими поселениями, они же были самыми ранними по времени основания, в Уфимском уезде стали колонии Ауструм (Austrumu ciems), Балажи (Baložu ciems), Балтийская (Baltijas ciems), Дубовская (Ozolu ciems), Симбирская (Simbirskas ciems) и Цветаевская (Cvetajevas ciems). Даты их основания в источниках не совпадают или отсутствуют. Вероятно, наиболее ранние относятся к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в. Переселенцы не сразу оформляли землю в собственность, какое-то время тратили на поиски подходящих участков, ведение переговоров с владельцами земли, созданию товариществ и т.д. В годы Первой Мировой и Гражданской войны увеличение численности латышей в республике произошло за счет беженцев, однако они обустроивались в городах или уже основанных сельских поселениях. Депортаций латышского населения на территорию Башкирской АССР во времена сталинских репрессий также не проводилось. По статистическим данным, к 1917 г. большинство латышских селений Уфимского и Стерлитамакского уездов оставались моноэтническими с незначительным включением русских, белорусов, поляков, украинцев, эстонцев – тех этносов, которые были хорошо знакомы латышам на прежней родине в качестве соседей. В волостях, где проживали латыши, финно-угорские и тюркские этносы составляли малую долю.

В третьем параграфе **«Ареалы расселения»** приведены демографические данные, показывающие, что большая часть латышского населения Уфимской губернии проживала в сельской местности – хуторах, объединенных в колонии. В 1897 г. из 3873 латышей сельчан насчитывалось 3801 чел. (98,1%)¹². Они были многочисленны в Уфимском, Стерлитамакском, Белебеевском, Бирском, Златоустовском уездах. Незначительная часть – 72 чел. – жила в городах, в т.ч. в Уфе – 61 чел., а также в Стерлитамаке, Мензелинске, Белебее, Бирске и Златоусте. По переписи 1917 г., в Уфимском уезде латышское население в количестве 2351

⁹ Šķilters, K. Latkoloniju vēsture. I. Izceļošana no Baltijas un koloniju pirmsākumi. Maskava, 1928. 65. lpp.

¹⁰ Габдрафиков И.М., Блинкена А.Я. Латыши // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки / гл. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 2002. С. 419.

¹¹ Смирнов Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии. Уфа, 1908. С. 3.

¹² Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII.

чел. проживало в 63 сельских населенных пунктах. Большая часть – 1994 чел., или 84,8% – числилась в 9 колониях, которые находились в 4 волостях Уфимского уезда. В Свято-Троицкой волости – Ауструмская, Дубовская, Рижская и Цветаевская колонии; в Иглинской волости – Балтийская и Симбирская; в Урман-Кудейской волости – Ликсненская колония и Ергазинские хутора; в Охлебининской волости – колония Балажи. Некоторые латыши были представлены в качестве работников в частновладельческих хозяйствах, на уральских заводах, пристанях, отдельно стоящих хуторах, железнодорожных станциях. В 1926 г. число латышей-сельчан достигло 6675 чел., горожан – 370 чел., в основном, уфимцев¹³. Границы первоначального расселения латышей сохранились до настоящего времени – ныне это Иглинский и Архангельский районы Республики Башкортостан.

В четвертом параграфе «**Топонимика**» отмечена связь с прежней родиной (Балтийская, Рижская, Симбирская). Из общего числа колоний только 3 имели названия на латышском языке – Ауструмская, Балажи и Ликсненская. Ауструмская – «*austrumiem*», в переводе с латышского означает «восток», отражает местонахождение к востоку от исторической родины. Балажи – «*balodis*», переводится как «голуби», т.к. латышей сравнивали с голубями, которые прилетают весной на поля. Название Ликсненской колонии связано с названием волости на исторической родине переселенцев (в дореволюционный период Ликсненская волость находилась в Двинском уезде Витебской губернии, в настоящее время – в Даугавпилском районе Латвии). До настоящего времени на топографических картах Иглинского, Архангельского и некоторых других районов республики сохранились и другие названия, связанные с пребыванием латышского населения. Возле д. Балажу Иглинского района имеется ручей Грассмана; гидроним назван по фамилии хозяина земли, где был исток и по чьей территории протекал ручей, а также Валова гора, Выдрин хутор и др. Многие названия местности не закреплены на картах, но используются как ориентиры местными жителями: «Первый Щепной», «хутор Осиса», «хутор Ринэ» «овраг Гегера» и др.

В пятом параграфе «**Грамотность латышских переселенцев**» выявлено, что обучение грамоте латышских детей до 9 лет велось в основном на родном языке, позднее – и на русском. В возрасте 10–19 лет мальчики и юноши примерно одинаково владели грамотой на родном (49,3%) и русском языке (42,5%). Девушки в большинстве владели лишь латышской грамотой (67%), некоторые – и русской (26,2%). В возрасте 20–29 лет владение русским языком у мужчин было еще выше (73%), в отличие от женщин (30,5%), которые предпочитали латышскую грамоту (65,7%); у мужчин этого возраста латышский язык терял популярность (21,9%). В последующих возрастных группах доля людей, знающих русскую грамоту, снижается. У мужчин от 60 лет и старше она чуть больше (6,8%), чем у женщин (3,2%). В то же время владение латышским языком увеличивается (82,5% мужчин и

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. С. 336, 337.

84,8% женщин). Лучшее владение русским языком мужчинами молодого и зрелого возраста объясняется большей необходимостью консолидации в русскоговорящем пространстве для решения насущных жизненных (экономических) вопросов. Женщины в абсолютном большинстве были заняты домашним хозяйством. Грамотность латышей изначально была намного выше других этносов и поддерживалась образованным в 1914 г. в Уфе «Уфимским латышским обществом взаимопомощи»¹⁴.

В шестом параграфе «**Хозяйственная деятельность**» раскрыт тезис о том, что с момента переселения на башкирские земли латыши быстро прошли этап адаптации к местным условиям и внесли существенный вклад в экономическое развитие края. По инициативе ауструмских крестьян и по примеру латышей Сибири на территории Башкортостана в 1905 г. появились первые маслодельные артели. Они обеспечивали не только местное население, но и отправлялись в Ригу и далее в Лондон¹⁵. Эффективное развитие животноводства стало возможным благодаря использованию племенного бестужевского скота и созданию прочной кормовой базы. Латыши Ауструмской колонии первыми в Уфимской губернии (с 1885 г.) начали заниматься травосеянием (тимофеевка, костер, вика, люцерна, эспарцет, особенно клевер) и стали примером для других латышских колоний и соседних народов¹⁶. Если вначале семена выписывали из Риги¹⁷, то затем производили на месте и продавали специализированным российским фирмам. Для увеличения удоев, особенно в осенне-зимний период, улучшения качества молока и молочных продуктов в качестве корма использовались корнеплоды, в частности, корни и ботва моркови, репы и кормовой свеклы.

Полеводство велось на основе передового опыта ведения хозяйства (многополье) и новейших сельскохозяйственных знаний, и повлияло на деятельность соседних народов, включая русских. Уровень механизации в хуторах составлял 70–80%. В 1929 г. у латышей на одну веялку приходилось 1,2 хозяйства, у белорусов и украинцев – 3,1, у русских – 6, у татар, чувашей, марийцев – 8,1, у башкир – от 18,7 до 30. Как удобрение навоз латышами использовался на 100% (башкиры выкидывали в овраги). Семена латыши тщательно очищали, протравливали, подбирали лучшие¹⁸. Вместе с белорусами они одними из первых начали культивировать скороспелые сорта картофеля. Даже в голодные для других народов годы латыши сохранили семенной фонд картофеля и прочих культур (впрочем, как и коров

¹⁴ Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-420. Оп. 1. Д. 1.

¹⁵ Смирнов Н.Ф. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Орлов И.Л. Сельскохозяйственные районы БАССР // Хозяйство Башкирии. 1929. № 1 С. 102.

¹⁷ Степанов А. О получении семян клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1914. № 7. С. 3.

¹⁸ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа, 1973. С. 70.

бестужевской породы, а также породистой латышской овцы). Обладая передовой сельскохозяйственной культурой, латыши, тем не менее, активно перенимали земледельческие традиции у соседей. Использовали русский способ складывания снопов в «бабки» для сырого хлеба, переименовав «суслоны» в «студи» и «губас». Применяли не только собственные, но и заимствованные у других этносов орудия труда, удобные для данной местности. При ручном севе брали белорусскую коробку, плетенную из ржаной соломы или лыка («сетиво», «севалка»).

Латышские переселенцы внесли существенный вклад и в развитие рамочного пчеловодства. По инициативе первопоселенца И.Я. Вейнберга налачился сбыт сотового меда на рынки страны, причем не в деревянных ящиках большого размера, как было принято, а в жестяных коробках, как ныне продается башкирский мед¹⁹. Хозяйственными занятиями латышей были также домашние промыслы и ремесла. Широкое распространение получило изготовление бондарных изделий, колес, саней и других изделий из дерева, в значительных объемах они поставлялись в Сибирь и юг России²⁰.

Во второй главе **«Этапы этнической истории латышской диаспоры (XX – начало XXI в.)»**, в первом параграфе **«Непринятие советской власти»** проанализирована социально-политическая ситуация, сложившаяся в республике. Она характеризовалась протестными настроениями основной массы латышей, являющейся зажиточной, по причине нежелания терять то, что создавалось кропотливым трудом. По количеству произведенной товарной продукции, выращенного скота, имеющегося сельхозинвентаря, способам обработки земли, найму рабочей силы и другим показателям они значительно опережали полунатуральные татарские и башкирские хозяйства. Каждое латышское хозяйство в 1926 г. платило сельхозналог в среднем 44 руб. 64 коп., а каждое русское, татарское и башкирское хозяйство – лишь 4 руб. 17 коп.²¹. Для внедрения коммунистической идеологии властями стала проводиться политико-воспитательная работа: создавались партийные и комсомольские ячейки (численность в них латышей была незначительна), избы-читальни, красные уголки, сельсоветы, комитеты бедноты, ячейки добровольных обществ. Для привлечения женщин к участию в общественной жизни, в том числе к работе в женских советах, организовывались занятия по домоводству (курсы кройки и шитья, рукоделия). В стенах школ велась политико-воспитательная и антирелигиозная работа, причем не только с учениками, но и с их родителями; результатом стало то, что многие латышские семьи стали отказываться посылать своих детей в советские

¹⁹ Юрьев А.А. Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года. Уфа, 1901. С. 30.

²⁰ Отчет о деятельности Уфимской губернской земской управы по содействию кустарной промышленности за 1912 год. Уфа, 1913. С. 28.

²¹ Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее – ЦАОО РБ). Ф.122. Оп. 6. Д.150. Л. 41.

школы. Начался процесс реэмиграции: латышские крестьяне, опасаясь за свою жизнь, уходили вместе с отступавшей Белой армией или нелегально пробрались в Прибалтику²².

Латышским крестьянам в условиях негативного к ним отношения, опасаясь возможных репрессий, приходилось сокращать применение наемного труда или полностью от него отказываться. В результате в 1926 г. было зарегистрировано лишь 124 трудовых договора и 27 наймов рабочей силы без оформления договорных отношений, что на 46,35% меньше по сравнению с 1925 г.²³. С экономическим ростом хозяйств необходимость усиления человеческого труда возрастала. Крестьяне же, опасаясь быть зачисленными в кулаки, были вынуждены сокращать количество скота и размер пашни, нанимать батраков только в самую страдную пору. Это подталкивало крестьян приобретать и более широко использовать сельскохозяйственные машины, увеличивать нагрузку на членов семьи, которые в летнее время работали по 16–18 часов в сутки.

Во втором параграфе **«Меры по советизации латышей Башкирской республики»** показана деятельность латышского просветительного общества «Прометей» и государственного латышского театра «Скатувэ» в 1930 гг. Общество «Prometejs» («Прометей») создано в феврале 1924 г. и стало крупнейшим из всех национальных просветительских обществ в стране. С одной стороны, для латышей Башкирии оно заполняло образовавшийся после 1917 г. культурный вакуум, а с другой – носило ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, направленный на коммунистическое воспитание людей. В структуре общества имелись секции: школьно-методическая, сельскохозяйственная, музыкальная, изобразительная, латгальская, а также отдел периодики, издательство, бюро латышских писателей и др. Были созданы и производственно-кооперативные предприятия: книжный и писчебумажный магазины, склады, типография, мастерская для изготовления письменных принадлежностей и учебных пособий. В 1935 г. общество «Прометей» издавало газету «Komunāru Cīņa» («Борьба коммунаров»), политико-художественный журнал «Celtne» («Стройка»), политико-художественный журнал на латгальском языке «Ceinas Karūgs» («Знамя борьбы»), детскую газету «Darba Vērnī» («Дети труда») и детский журнал «Mazs collectivist» («Маленький коллективист»). Издавалась непериодическая политическая (произведения Ленина и Сталина), художественная, учебная и детская литература.

Одной из приоритетных стала работа по образованию колхозов и их обеспечению культпросвет- и партийными работниками, специалистами сельского хозяйства. Открываются новые латышские и латгальские школы, дошкольные учреждения, библиотеки. Общество «Прометей» оказывает

²² М. В темных углах. «Курляндские бароны» // Известия Уфимского губернского революционного комитета. 1919. № 66.

²³ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Л. 43.

помощь в комплектовании их учителями и пионервожатыми. Обеспечивает школы и колхозные библиотеки учебной, художественной, учебной и партийной литературой. Особое внимание уделяет общественным, комсомольским и пионерским организациям. Проводит областные и всесоюзные конкурсы на лучшую латышскую и латгальскую школу, учителя, класс и даже лучших родителей. Организует смотры художественной самодеятельности, пионерские слеты, экскурсионные поездки школьников. Большое внимание уделяет клубной работе, созданию в колхозах театральных, литературных, музыкальных (хорового пения, оркестров) кружков. Бюро латышских писателей организует творческие командировки в регионы компактного проживания латышей. При полной согласованности с просветительным обществом «Прометей» и его финансовой поддержке работал Государственный латышский театр «Скатувэ». В Башкирской АССР театр гастролировал два раза, в летние периоды 1933 г. и 1936 г. В 1935 г. в Башкирии находилась концертная бригада культурно-просветительского общества «Прометей».

В третьем параграфе **«Политические репрессии и их последствия»** показана значительная доля латышей раскулаченных, заключенных в лагеря, в спецпоселки или расстрелянных. Многие были осуждены по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления). Уголовному наказанию подвергались граждане, бежавшие со спецпоселений, уклонившиеся от выселения из хуторов в села. Их ссылали в концлагеря, конфисковали имущество, а семьи выселяли. При составлении обвинительного заключения учитывались и прежние деяния арестованных, за которые они были уже амнистированы, или за выявленные в более поздний период. Большое количество дел, хранящихся в архиве УФСБ по Республике Башкортостан, относятся к 1933 и особенно 1937 гг. (период Большого террора), когда принадлежность к латышскому этносу стала смертельно опасной. Так как аресты были массовыми и не имеющими законных оснований, дела арестованных объединялись в одно групповое дело, например, «выявленных» контрреволюционных подпольных организаций. Одним из первых разгромили латышское просветительное общество «Прометей», под прикрытием которого якобы работала шпионская организация. Дело о «Латышской контрреволюционной подпольной националистической организации» объединило 255 ранее арестованных человек²⁴. В нем фигурировали как простые крестьяне и колхозники, так и наиболее грамотная и активная часть латышского населения. Многие были расстреляны. В результате произошло резкое сокращение численности латышского населения Башкирской АССР. По данным переписи 1939 г., их

²⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Башкортостан. Временный фонд № 3748. Т. 1–19.

было 6,8 тыс. чел.²⁵, но достоверность переписи вызывает сомнения, если проанализировать данные «Книги памяти жертв политических репрессий». К началу указанного года было осуждено 656 латышей, приговорено к высшей мере наказания и расстреляно 418 чел. (63,7 % от общего числа осужденных)²⁶.

В четвертом параграфе **«Ликвидация латышских хуторов: причины и последствия»** отмечено, что в 20-х – 30-х гг. XX в. местная пресса этот тип селения называла «проклятым наследием столыпинщины»²⁷. Началась работа по сселению хуторов в села. В качестве доводов газета приводила отдаленность школ от хуторов, что создает неудобства для детей и их родителей, проблемы культурного обслуживания населения, необходимость борьбы с разбазариванием и расхищением общественных земель в пользу личных хозяйств²⁸. Если в 1935–1938 гг. сселение хуторов носило эпизодический, локальный характер, то в 1939 г. – массовый, в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) И СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». При этом местные власти применяли насилие: стаскивали дома с фундаментов, в осенне-зимний период разбирали трубы и печи, раскатывали дома, оставляя лежать бревна на земле.

В пятом параграфе **«Латышская диаспора в едином государстве (1941–1991)»** показаны последствия социального и демографического кризиса, вызванного политическими репрессиями, а в дальнейшем и войной. Всесоюзная перепись населения 1959 г. учла латышей 3804 чел., по сравнению с данными переписи 1939 г. меньше на 2994 чел., или на 44,1%. Начался активный процесс возвращения латышей Башкирии в Латвию. Причинами массовой реэмиграции в 1946–1948 гг. стали разорение и обнищание, разочарование в советской власти, желание сохранить этничность; такая возможность появилась после присоединения Латвии к СССР. В 1970–1980 гг. наблюдался новый всплеск реэмиграций, однако некоторые возвращались, объясняя возникшие различия в языке и культуре латышей Башкирии и Латвии. Некоторые семьи переселялись не сразу в Латвию, а перебирались сначала в города и поселки Башкирии и других областей, и только потом уезжали на историческую родину. Были случаи, когда после службы в армии не возвращались в Башкирию (Т.П. Граудин, Уфа), а поступали учиться в учебные заведения Латвии и оставались там, потом к ним присоединялись и остальные члены семьи.

²⁵ Народное хозяйство и культурное строительство в Башкирской АССР: Статистический сборник. Уфа, 1964. С. 76.

²⁶ Подсчет произведен по данным, опубликованным в «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» (Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011). В число осужденных не вошли крестьяне, ранее сосланные на спецпоселение.

²⁷ Киселев А., Балтин В. Искореняется наследие прошлого // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1940, 28 мая.

²⁸ О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания // Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1939, 3 июня.

Оставшиеся в Башкирии продолжили вести хозяйства. Нами проанализированы похозяйственные книги за 1946–1948, 1952–1954, 1958–1960, 1971–1973, 1980–1982 гг.²⁹ В документах 1946–1948 гг. в с. Ауструм зарегистрировано 78 хозяйств, в которых проживали латыши. По сравнению с 1925 г., их количество снизилось на 61 хозяйство, или 43,9%³⁰. 35 семей были полные (45%), 11 – этнически смешанные (с представителями русского или белорусского этноса). Количество молодых семей было незначительно (последствия репрессий и войны), как и число мужчин (меньше, чем женщин на 51 чел., или на 39%). Наименьшее количество мужчин – в группах от 31 до 60 лет. В последующие десятилетия сохранилась стойкая тенденция сокращения численности латышского населения, увеличения числа этнически смешанных семей и переселения из села в город. В настоящее время из представителей латышского этноса в с. Ауструм проживает только один человек – Штемберг Эрмина Августовна (1931 г.р.).

Полиэтнизация не помешала развитию и возрождению латышских народных традиций. До середины 1970-х гг. праздновались Лиго (Янов день)³¹, Рождество с елкой для детей, Пасха, проводилась кладбищенская служба. Культурная жизнь латышских колхозников протекала в основном в русле клубной художественной самодеятельности. В с. Ауструм существовал один из старейших и известнейших духовых оркестров, в с. Бакалдино – самодеятельный театр, в селах Балтика и М. Горький – хоровые коллективы. Посещали Башкирию и артисты из Латвии³².

В период до объявления Латвией независимости латышами, переехавшими на жительство в Латвийскую ССР, поддерживались активные контакты с оставшимися в Башкирии родственниками и друзьями. Многие из местных жителей неоднократно гостили в Латвии, организовывали экскурсионные поездки школьников. После 1991 г. активность личных контактов существенно снизилась.

В шестом параграфе «**Меры по возрождению этнической культуры (1991–2013 гг.)**» отмечен процесс дальнейшего уменьшения численности латышей республики. Если в 1970 г. она составляла 3500 чел, то в 2002 г. – 1508 чел., в 2010 г. – 1117 чел. Латыши сохранили ареалы прежнего расселения: преимущественно Архангельский (284 чел.) и Иглинский (182 чел.) районы. С каждым годом увеличивается число латышей-горожан, в 2010 г. оно составляет 575 чел, в т.ч. уфимцев – 378 чел. В сельской местности живут 542 чел. Сокращение численности латышей объясняется ассимиляцией в результате межэтнических браков, высокой смертностью, низкой рождаемостью.

²⁹ Архивный отдел администрации Иглинского района Республики Башкортостан. Ф. 38. Оп. 2. Д. 275.

³⁰ ЦАОО РБ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 177.

³¹ Барабаш Т. Когда цветет папоротник // Вечерняя Уфа. 2002, 13 июля.

³² Ievkalns G. VTT tālos ceļos // Padomju Venta. 1977. 17, 27, 28 sept.

Этнокультурные потребности латышского населения удовлетворяет национально-культурное общество «Ауструм» (1993), которое установило контакты с латышскими общинами России, Обществом Латвии в России, посольством Латышской Республики в России. Преемником общества «Ауструм» стал Республиканский латышский национальный центр Башкортостана, созданный в 1996 г. В 2003 г. по Указу Президента Республики Башкортостан от 29.09.2003 г. № УП–574 создан историко-культурный центр «Село Максим Горький». При нем действуют два кружка – краеведческий и декоративно-прикладного творчества, два фольклорных ансамбля – детский «Авотс» («Родник») и взрослый «Атбалсс» («Эхо»). Ежегодно центр празднует Рождество, Мартыни, Праздник свечей, Пасху, Лиго, Праздник хлеба, сыра и мёда. В 2009 г. в республике под патронатом супруги Президента Латвии госпожи Лилиты Затлере прошел Всероссийский фестиваль латышской песни при участии коллективов из Латвийской Республики и регионов России. В 2010-х гг. латышский центр проводит конкурсы «На лучшее латышское подворье», «На лучший латышский сыр», «На лучшее ячменное пиво», «На лучший хлеб из ржаной муки» и пр. В 2009 и 2012 гг. республику посетила делегация Латвии под руководством Чрезвычайного и Полномочного посла Латвийской Республики в РФ Эдгарса Скуя.

В третьей главе «**Этническая культура диаспоры**», в первом параграфе описан «**Традиционный быт: жилище, одежда, пища**». В латышских селениях преобладали однодворные поселения, деревянные дома-пятистенки, рубленные из хвойных пород дерева. Сени располагались вдоль длинной стороны дома под одной крышей с жилыми комнатами и делились перегородкой на отдельные помещения для хранения продуктов и инвентаря. Крыши покрывались металлом, щепой и тесом. Кроме жилого дома имелись амбары, конюшни, сараи, бани и другие постройки. Сеновалы устраивались на чердаках коровников, чтобы через большие люки в потолке легче было подавать сено. Печи в домах клали из обожженного кирпича, рядом с плитой устанавливали котел для приготовления пищи скоту и кипячения воды для хозяйственных нужд. В усадьбе значительное место занимали сады, в которых росли плодово-ягодные деревья и кустарники. При усадьбах имелись палисадники с цветниками, елью и сиренью. На огородах выращиваемые культуры во многом определили традиционную кухню. Она включала мучные, молочные, кисломолочные (масло, творог, сметана, сыр), зерновые и зернобобовые (каши из различных круп, гороха, бобов) блюда. Обрядовая кухня и сейчас представлена киселями из ягод смородины или малины, с добавлением плодов черной рябины, которые наливают в глубокие тарелки и едят столовыми ложками. Варят густую манную кашу. На похороны готовят торт или пирожное безе, который подают с кофе утром всем приглашенным. На празднике Лиго обрядовыми угощениями являются сыр с тмином и домашнее пиво.

Одежда изготавливалась собственными силами или покупалась. Из традиционных элементов народного костюма имели место платки в широкую полоску, юбки из домотканины и кожаная обувь. Несмотря на проживание в сельской местности, латыши одевались «по-городскому». До революции 1917 г. многие латышские семьи выписывали журналы мод. Отличалась обрядовая одежда. На крещение на маленькую девочку надевали белое платьице с кружевами, а на мальчика – белую рубашку. На конфирмацию и свадьбу девушки наряжались в белые платья с отложными воротниками. Юноши облачались в праздничные костюмы, с левой стороны пиджаков на лацканах прикалывали веточки мирта. На свадьбу на голову девушки плели венок из веточек мирта.

Во втором параграфе «**Организация религиозной жизни**» раскрыт тезис о том, что для латышей лютеранство стало существенным фактором сохранения этничности. Первые сведения о религиозной идентичности латышей Уфимской губернии отражены в материалах переписи 1897 г., согласно которым зарегистрировано 3211 латышей-лютеран (82,9%). Значительную группу составляли православные – 596 чел. (15,4%). Другие конфессиональные группы представлены незначительно: старообрядцы – 7 чел., католики – 13 чел., баптисты – 17 чел.; в дальнейшем численность баптистов несколько возросла³³. Увеличивалось число православных под влиянием русского населения и чтобы «ограничить произвол остзейских помещиков, улучшить свое правовое и экономическое положение»³⁴. Лютеранские священники – пасторы – периодически, не реже одного раза в год, приезжали (из Златоуста) в латышские колонии. Они проводили богослужения, читали проповеди, совершали обряды: крестили детей, венчали, причащали, конфирмировали, утверждали акты крещения и смерти. Пасторское утверждение в те времена заменяло официальную государственную регистрацию. Особое положение в колониях занимали церковные старосты, которые выбирались из наиболее грамотных и уважаемых жителей. В крупных сельских обществах (Архангельская колония) устраивались молитвенные дома. В других случаях церковные службы проводились в школах, а в последующие годы и в частных домах (Банковка). Лютеранская религия имела большое значение для развития культурных традиций и грамотности населения. С физическим устранением священнослужителей религиозная жизнь в латышских колониях практически прекращается.

В третьем параграфе «**Обряды и праздники**» описаны церковные (Рождество, Пасха, Троица) и календарные / земледельческие. В 30-х – 50-х гг. XX в. в латышских колхозах проводился «латышский сабантуй» –

³³ Александров А.П. Долиною смертной тени. Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. Бирск, 2013.

³⁴ Помер А.А. Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX века. <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html> (дата обращения 21.03.2014).

Зеленый бал (*Zala balle*), приуроченный окончанию весенних полевых работ. На нем было много коллективных мероприятий, приоритет отдавался культурной программе: оркестровому исполнению музыки, танцам, хоровому пению. Любимым народным латышским праздником с давних пор до наших дней является праздник Лиго, аналог Иванова дня у славян, с ночными гуляниями, кострами на высоком столбе (ночной маяк) и поляне, поиском чудодейственного папоротника и появлением Яниса под сопровождение фольклорного ансамбля «Атбалсс». Праздник Мартыни символизировал приход зимы. После прихода Мартыни нельзя больше беспокоить землю. День 2 февраля считается покровителем коров и телят; было принято варить густую кашу, в которую втыкали свечи. Праздник символизировал ожидание прихода скорой весны. В настоящее время в латышском национально-культурном центре ведется работа по возрождению народных праздников.

Диссертантом изучены также основные для лютеран обряды крещения, конфирмации, свадебные (венчание и свадебное торжество) и похоронные. Крещение сопровождалось приходом гостей в праздничных одеждах с гостинцами. Комната украшалась миртом – выставлялись горшки с этим растением, отдельные веточки крепились на шторы и скатерти. Место, где стояла купель, скамья или стол застилалось светлым покрывалом, на котором также были разложены веточки этого растения. В купели тоже плавали миртовые веточки. Купель была не обязательно большого размера, так как ребенка в нее не погружали, а только окропляли водой. Проводился обряд крещения по канонам церкви. На руках младенца держал кто-то из крестных родителей (девочку – женщина, мальчика – мужчина). Если младенец был совсем маленьким, его заворачивали в пеленку, которая расстилалась рядом с купелью поверх мирта. В купель крестные родители и гости бросали деньги, которые потом хранили на память. После завершения обряда устраивался праздничный обед (крестины) и танцы под аккомпанемент музыкальных инструментов и пение песен.

Конфирмация была обрядом, специально не установленным Библией, а подтверждением крестильного обета, проводилась при достижении юношами и девушками 18 лет (совершеннолетия), делала юношей и девушек полноправными членами церковной общины, давала право на вступление в законный брак. Как в местных колониях, так и на этнической родине, конфирмация считалась семейным праздником. Шили праздничную одежду (она отражена на фотографиях информаторов), готовили угощения и подарки. Из обнаруженных «Конфирмационных свидетельств» наиболее поздняя дата обряда указана в документе Я. Озола, выданным ему в Балажинской колонии в 1927 г. миссионером Э.О. Францем.

Этнографические особенности похоронных обрядов латышей варьировались в зависимости от возраста и наказов умершего (иногда сопровождалось музыкой и песнями). Покойного никогда не держали в доме, а выносили в подсобные помещения (зимой – обычно в сени) или временную могилу (летом – в саду), обкладывая крапивой, льдом, сверху закрывая

досками или брезентом, сроком до недели и более, дожидаясь приезда всех родственников³⁵. Традиция заранее изготавливать гробы, еще при жизни человека, сохранилась до наших дней. По-прежнему на похороны приходят только по приглашению, что связано с организацией поминального обеда. В день похорон в одной из комнат дома накрывают стол, на котором ставят бутерброды (с сыром и маслом), пирожки, из напитков – кофе и пиво. Гроб принято украшать веточками мирта и хвоей. Покойному также в руку кладут мирт, а иногда и листок с молитвой. Перед выносом тела подают по рюмочке настойки или пива и на закуску бисквит. Чтобы проводить умершего в последний путь, раньше отбирались сивые или гнедые лошади³⁶. Так как во время похорон пасторы присутствовали редко, библейские тексты читали либо церковные старосты (пока существовал такой институт), либо кто-то из сельчан. Во время прохождения процессии и непосредственно похорон пелись религиозные песни. Сейчас они забыты. В довоенный период на латышских кладбищах имелись специально построенные часовни (kapliča), в которых проводилось отпевание³⁷. На могилах устанавливали кресты и памятники, садили барвинок (Karū mirtes / Могильный мирт).

В четвертом параграфе **«Декоративно-прикладное искусство»** замечено, что к началу XXI в. у латышей Башкортостана были утрачены основные виды прикладного искусства. Об их творчестве можно судить по вещам, хранящимся в семьях потомков латышских переселенцев, в экспозициях музеев школ сел М. Горький и Бакалдино Архангельского района, а также в коллекциях Национального музея РБ и Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН. Как отметила С.И. Рыжакова, «латышская культура – культура украшения пространства, и это, возможно, одна из важнейших ее доминант»³⁸. Подтверждение этому мы неоднократно находили во время полевых исследований. У латышей республики культивировались ткачество, украшение одежды и других тканых изделий кружевами и вышивкой, вязание скатертей, кружевных подзоров, салфеток. Широкое распространение получило изготовление верхней вязаной одежды, национальных латышских шерстяных одеял и тканых покрывал на кровати.

В пятом параграфе **«Суевия и знахарство»** отмечено, что целители у латышей республики пользовались большим авторитетом, особенно во время социальных потрясений, когда переставали нормально функционировать или полностью отсутствовали медицинские учреждения, т.е. во время революций, войн, массовых эпидемий. Болезни объяснялись сглазом, порчей и колдовством. В Балажах Иглинского района знахарем была Рэкис Минна

³⁵ Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2013 г. Воспоминания Р.Р. Бордуковой (1940 г. р.), ст. Тавтиманово, З.П. Толстиковой (1922 г.р.), д. Балажи Иглинского района Республики Башкортостан.

³⁶ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы, 2007. С. 69.

³⁷ ПМА 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского района Республики Башкортостан.

³⁸ Рыжакова С.И. Язык орнамента в латышской культуре. М.: Индрик, 2002. С. 5.

Ивановна, которая лечила молитвами и заговорами с использованием продуктов питания, например, соли, сахара, хлеба, конфет. Парадоксально, но распространению знахарства помогала высокая грамотность населения и традиция ведения внутрисемейных записей, в том числе свойств лечебных трав, заговоров и молитв, применявшихся при лечении. Во время полевых исследований 2011–2014 гг. в Иглинском и Архангельском районах республики такие документы встречались неоднократно. Наиболее интересный и объемный из них обнаружен в селе М. Горький Архангельского района – рукописный сборник Петра Рацена (Pehter Rahzen), датированный 1891 г. В тетради 67 заговоров и заклинаний как для лечения людей, так и животных, а также использовавшихся в различных жизненных ситуациях. В настоящее время практика лечения молитвами и заговорами в среде латышского населения республики практически отсутствует.

В «**Заключении**» подведены итоги проведенного исследования, сформулированы выводы, обобщен весь имеющийся материал по теме.

Новизна полученных результатов заключается в том, что впервые на основе большого корпуса разнообразных источников, литературы, архивных и полевых материалов была реконструирована этническая история латышей Башкортостана, показано формирование диаспоры, развитие хозяйственной, материальной и духовной культуры.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В реферируемых журналах из списка ВАК:

1. Чегодаев Е.А. Ликвидация латышских хуторов в Башкирии в годы Советской власти: причины, условия и последствия // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. – 2013 – № 6. – С. 108–112.

2. Чегодаев Е.А. Знахарство и суеверия у латышей Башкирии // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 6 (68). – С. 165–170.

3. Чегодаев Е.А. Латыши Башкортостана в источниках и материалах // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. – № 6. URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2014/6/galieva_chegodaev.pdf. – (В соавт. с Ф.Г. Галиевой).

В других изданиях:

4. Чегодаев Е.А. Спецпоселки на территории Башкортостана в 1930–1950 гг. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2005. – Т. 10. – № 2. – С. 71–78. – (В соавт. с Ф.А. Шакуровой).

5. Чегодаев Е.А. Организация спецпоселков на территории Башкирской АССР и вопросы правового регулирования ссылки и высылки // Органы управления и правовая системы страны в экстремальных условиях развития государственности / Башкирская академия государственной службы при Президенте Республики Башкортостан. – Уфа, 2005. – С. 180–183. – (В соавт. с Ф.А. Шакуровой).

6. Чегодаев Е.А. Влияние бытовых условий на криминогенную обстановку в обществе // Духовно-нравственное воспитание в образовании: роль социо-гуманитарных дисциплин. Материалы конференции. – Т. 1. – Уфа, 2006. – С. 177–181.
7. Чегодаев Е.А. Спецпоселки // Родной край Нуримановский: Научно-справочное изд. – Уфа: Гилем, 2010. – С. 84–92.
8. Чегодаев Е.А. Этнический состав спецпоселка ЦЭС // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Материалы симпозиума, посвященного 80-летию Наиля Валеевича Бикбулатова. Уфа, 5 апреля 2011 г. – Уфа, 2012. – Вып. V. – С. 45–57.
9. Роль латышей в формировании маслодельческого производства Уфимской губернии // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения. – Уфа. 2012. – С. 95–99.
10. Чегодаев Е.А. Деятельность латышского просветительного общества «Prometejs» и театра «Skatuve» в Башкирской республике (30-е годы XX в.) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – Уфа, 2012. – Том 17. – № 4. – С. 56–66.
11. Чегодаев Е.А. Латыши Башкирской АССР в первые десятилетия Советской власти: факторы выживания и сохранения этничности // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2013. – № 2. – С. 115–122.
12. Чегодаев Е.А. Метелочки Лаймы как символ вечной жизни // Панорама Башкортостана. – 2014. – № 4 (48), авг. – С. 62–65.